

PZ

С 90

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 47

1957

Алексей СУРКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

НА БЕЛОМ СВЕТЕ

P2
C90

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 47

Алексей СУРКОВ

НА БЕЛОМ СВЕТЕ

СТИХИ

№-218591-7

Муниципальное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система
города Ярославля»

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1957

ПУТИ ДРУЖБЫ

На голубых полях воздушных трасс,
Сливая голоса, поют моторы.
Попутным ветром провожают нас
Родной страны весенние просторы.

И память вновь уводит за собой
На перепутья на дорогах мира.
...В соленых брызгах мерно бьет прибой
О меловые скалы Девоншира.

Пустыня в облаках песчаных бурь
Между Каруном, Тигром и Евфратом.
Небес шотландских бледная лазурь,
Слегка позолоченная закатом.

Над Ботникой гранитных скал гряда.
В Тирольских Альпах дальний гул обвала.
О родина моя! Куда, куда
Ты нам путевки дружбы ни давала!

Твоим святым доверием сильны,
Нигде мы одиноки не бывали.
Среди простых людей любой страны
Везде друзей и братьев узнавали.

И к нашей правде тянутся они,
Сквозь время пробиваясь по теснинам.

Как радостно, товарищ, в наши дни
Жить на земле советским гражданином!

Алексей СУРКОВ

Алексей Александрович Сурков родился 1 октября 1899 года в деревне Середнево, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, в бедной крестьянской семье. Окончил сельскую школу. С 1912 по 1918 год работал в Петрограде магазинным мальчиком, столярным, цинкографским учеником, портовым весовщиком. В качестве пулеметчика участвовал в гражданской войне. После демобилизации работал в деревне избачом, волостным политпросветорганизатором. С 1925 года член КПСС. По 1928 год был на комсомольской, партийной, газетной работе в Рыбинске и Ярославле. В 1934 году окончил Институт красной профессуры. Участник войны с белофиннами (1939—1940) и Великой Отечественной войны. В последующие годы редактировал «Литературную газету» и журнал «Огонек». В настоящее время секретарь Правления Союза советских писателей.

А. А. Сурков — кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР 4-го созыва и Верховного Совета РСФСР 2-го и 3-го созывов. Член Бюро Всемирного Совета Мира.

Первая книга поэта, «Запев», была издана в Москве в 1930 году. С тех пор им написано много сборников стихов и песен. Большинство их вошло в его книгу «Избранные стихи» («Советский писатель», 1947), двухтомник (Гослитиздат, 1954), «Избранное» («Советский писатель», 1956).

В последнее время А. Сурков написал циклы стихов: «Китайская тетрадь», «Индийская тетрадь», «Шотландские мотивы».

А. А. Сурков награжден орденом Ленина и другими орденами и медалями.

ДОРОГА В КИТАЙ

Тайга да тайга. От Иртышского плеса
Без края кругом богатырская ширь.
Смоленные шпалы бегут под колеса.
С Урала к Байкалу стекает Сибирь.

Курьерский торопится, рельсы считая.
Что сутки — то тысяча верст позади.
Чем ближе Амур и граница Китая,
Тем сердце стремительней бьется в груди.

Ну как же в волнении сердцу не биться?..
Оглянешься в юность — и в дальней грозе
Проступят родные и близкие лица
Героев Кантона, хунаньских друзей.

Припомнишь ночной Ярославль, и подмости,
И гул, переполнивший зал через край,
Когда в тишину пробасил Маяковский,
Что южные армии взяли Шанхай.

Хранили мы в памяти в зрелые годы
Названья провинций далекой земли,
Где четверть столетия знамя свободы
Бесстрашные люди к победе несли.

Их враг был врагом нашим кровным, заклятым.
И как ликовал наш советский народ,
Когда, легендарные, в сорок девятом
Они увенчали победой поход!

Теперь я в страну их великую еду,
Где стерты недавнего рабства следы,
Чтоб видеть героев, добывших победу,
И видеть ее золотые плоды.

Сверкнула, как молния, днѣй вереница.
Иркутск и Чита. И за складками гор,
Среди солонцов, возле самой границы,
Степной городок под названьем Отпор.

Сухой ветерок пробегает по травам.
Мельканье вороньих и галочьих стай.
Формальности кончены.

Поднят шлагбаум.

Мы тронулись.

— Здравствуй, товарищ Китай!

ВОРОТА ДРАКОНА

С мокрых гор по каменистым склонам
Медленно сползают облака.
Из теснины, из Ворот Дракона,
С воем вырывается река.
Валуны ворочая в стремнине,
Вечной теснотой разъярена,
По великой рисовой равнине
Желтой львицей мечется она.
Сокрушая насыпи и сваи,
Злая, бесноватая вода
По полям проносится, смывая
Все плоды крестьянского труда.
В ярости стремится не она ли
Скалы перемалывать в муку?
Сотни поколений проклинали
Бич Китая — Желтую реку.
А она от века и доньше
Рвется из Драконовых Ворот.
Но к ее клокочущей стремнине
Инженер разведчиком идет.
По ущельям, по увалам серым,

Где вулкан из недр базальт исторг,
В дождь и ветер рядом с инженером
Держат путь бурильщик и парторг.
Молодым, безмерно в жизнь влюбленным,
Поручила им отчизна-мать
Разумом, железом и бетоном
Бешенство стихии обуздать.
Будет время — реву аммонала
Отзовется звонкая кирка,
Чтобы другом труженику стала
Бич Китая — Желтая река.

НА ЮГЕ

Где небо и облако в пору жары
Окрашены в синий и розовый тон,
К причалам и верфям сбегает с горы,
Весь в солнце и зелени, город Кантон.

На извести белых пакгаузных стен
Неясный узор дымовых завитков.
Раскатистый рев парходных сирен
Сверлят завыванья буксирных гудков.

Вдоль берега — мачт почерневших леса.
И к морю — креветок ловить — налегке,
Попутному ветру отдав паруса,
Сампаны плывут по Жемчужной реке.

Фарватер реки суетлив, говорлив.
Расплавленный воздух блестит, как слюда.
К причалам Вампу океанский прилив
Несет из Гонконга морские суда.

И кажется: всюду незыблем покой.
И кажется: враг не стоит у дверей.
Но в мирное небо глядят над рекой
Стальные стволы боевых батарей.

В беззвездную ночь и в полуденный час,
Во имя в сраженьях добытых свобод,
С Тайваня суровых и пристальных глаз
На подступах к морю не сводит народ.

КИТАЙСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Горизонт, оттененный отрогами гор,
Синей дымкой подернут слегка.
В паутине каналов, прудов и озер
Янцзыцзян — Голубая река.

От границы далеких, заоблачных стран,
Из-под панциря вечного льда,
По расселинам гор, по полям в океан
Неуклонно стремится вода.

Как виденье открытых морей, вдалеке
Чуть приметный дымит пароход.
Под коричневым парусом вверх по реке
Тупоносая джонка плывет.

Колыхает кусты над речной глубиной
Своенравный порыв ветерка.
И баюкает джонку ленивой волной
Янцзыцзян — Голубая река.

Не смыкая тяжелых, натруженных век,
Старый кормщик стоит у руля.

Изумрудным ковром перед матерью рек
Стелет ранние всходы земля.

МАТРОССКИЙ ТАНЕЦ

Слегка закрипели сосновые доски
И в зале, как шквал, пробежали хлопки,
Когда из-за синих кулис на подмости,
Печатая шаг, поднялись моряки.

Вчера в завываньях тайфуна и пене
Снимали они корабли с якорей.
А нынче поют и танцуют на сцене
Матросы Флотилии Южных морей.

И сцена — как море в жестокую качку.
И на море в молниях, в грохоте гроз
Из темной пучины спасает рыбачку
Под всплески оваций отважный матрос.

В овациях зала и гордость и ласка.
(Любуйтесь, друзья, каковы земляки!)
Как пламя, клубится и стелется пляска,
Звучат голоса и стучат каблуки.

Таких вот — веселых, умелых и смелых —
Врасплох не застигнет тайваньский пират.
В своих бескозырках и форменках белых
Похожи они на балтийских ребят.

Защита отчизны — их гордое право.
Их красные флаги плывут величаво
В далеких походах над стрелами рей.

.....
Со сцены поют
О товарище Мао
Матросы Флотилии Южных морей.

✓
МЕТЕЛИЦА

Отзываясь голосу гармонии,
Что тревожит и зовет в полет,
Бронзовая девушка в Кантоне
Песню про метелицу поет.

Русской грустью чистый алыт томится.
И совсем не велика беда,
Что под небом родины певица
Снега не увидит никогда.

Самые красивые

Пусть она не знает, как свистели
Вьюги по-над Волгой в камыше,—
В складной песне дело не в метели,
А в живой, отзывчивой душе.

Ведь и на Урале в час заката
Возле пламенеющих рябин
Распевают русские девчата
Звонкие частушки про Пекин.

ГОЛОС МОСКВЫ

То ли просто устал,
То ли нервы играют слегка,
То ли власть надо мной
Несговорчивый возраст берет?
Только лампа не гаснет,
Листает страницы рука
И бессонный кузнечик
Стрекочет всю ночь напролет.

Окна в сад нараспашку,
А в доме уютно, тепло.
Южный ласковый ветер
Улегся на отдых в траве.
Почему же ко мне
Беспокойство ночное пришло
И душа потянулась
К холодной, октябрьской Москве?

Там, наверное, дождь
Изнурительно бьет по стене,
Милицейский сержант
На пустом перекрестке продрог...
Где бы я ни скитался,
Мой город мерещится мне
На любом перепутье
Далеких и ближних дорог.

Я привязан к Варшаве,
Восставшей из пепла руин.

К древней Праге любовь
Не вместят никакие слова.
Навсегда покорил
Мою русскую душу Пекин,
Но в Пекине и в Праге
Ношу тебя в сердце, Москва.

Утро брезжит с востока,
А сон все нейдет, как на грех.
Я включаю приемник.
И, музыкой полночь деля,
Через тысячи верст,
Через треск атмосферных помех
Зазвенели в Кантоне
Удары курантов Кремля.

Над Жемчужной рекой,
Где корица и лотос в цвету,
Где синеющий воздух
Прозрачен и чист, как весной,
Седобровый садовник
И юный солдат на посту
Бой часов моей родины
Слушают вместе со мной.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

«Жизнь прожить — не поле перейти», —
Говорили прадеды и деды.
Сколько мы полей прошли в пути,
Следопыты счастья, непоседы!

Как моряк, покинувший причал
В пору шторма в плеске волн суровом,
День рожденья редко ты встречал
Меж друзьями под домашним кровом.

Взмахами своих орлиных крыл
Нас в пути эпоха оведала.

Возраст белым инеем покрыл
Твой висок, солдатский запевала.

Вот опять, как прежде, налегке,
Слушая летящих лет гуденье,
От родного крова вдалеке
Ты сегодня встретил день рожденья.

На рассвете бледный свет зари
Сны спугнул касаньем невесомым.
Гасли звезды. Гасли фонари
В городе большом и незнакомом.

На востоке, на краю земли,
Солнце поднималось, полыхая.
Из тумана высились вдали
Небоскребы сонного Шанхая.

Тьма еще таилась по углам,
Но навстречу солнцу на рассвете
Торопились по своим делам
Горожане — взрослые и дети.

Прошумели школьники, даря
Серебром улыбок белозубых.
Видишь, воевали мы не зря
Против злых, себялюбивых, грубых.

И теперь везде у нас друзья,
Как на нашей родине, в Союзе.
Здесь, в Шанхае, молодость твоя
За окном проходит в синей блузе.

В строгой синей блузе весь Китай,
Окрыленный радостью свободы.
Глянь в глаза ему и не считай
В день рожденья прожитые годы.

ПРОЩАНИЕ С ПЕКИНОМ

Через час — полтора
Этот солнечный город покину.
Упакованы книги.
Билеты лежат на столе.
Вспомню осень в Китае,
И мысли вернуться к Пекину,
К этой древней, как сказка,
И юной, как утро, стране.

От монгольских степей
До бесснежного знойного юга,
От хребтов Сычуани
До устья великой реки
Пролегал наш маршрут.
И повсюду, как старого друга,
Принимали меня
Металлурги, ткачи, рыбаки.

Проходя по земле,
От сверкающих входов веселой,
Восходя на леса,
Что везде поднялись в вышину,
Я слышал не однажды,
Как светочем мира и школой
Называли товарищи
Нашу родную страну.

Без гордыни и чванства
Свои вспоминая успехи,
Те, кто подняли знамя,
Кто жили в яньнаньской горе,
Говорили душевно,
Что им путеводные вехи
Дали смелые люди,
Потрясшие мир в Октябре.

Миллионам китайцев
Расправила плечи свобода,
Будто не жили люди
Века и века в кабале.
Сколько взрывчатой силы

В душе у такого народа!
Как он твердо и прямо
Идет по свободной земле!

Этот гордый народ
Головы перед бурей не склонит.
По плечу ему бремя
Великих работ и забот.
Дерзкий, сильный, упорный,
Он старшего брата догонит,
К общей цели похода
С советскими в ногу пойдет.

ИНДИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

В СТРАНУ ЧУДЕС

Мерцали маяки в Аландских шхерах,
Метель пылила над заливом сонным,
И тенор пел из глубины небес:

«Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
Далекой Индии чудес...».

Далека же ты, Индия, так далека!
Долго надо лететь за твоим теплом.
На маршруте три древних материка
И пятнадцать стран плывут под крылом.
До Женевы нас провожала зима,
Поздно вечером Рим нас встречал весной,
А поутру, когда расступилась тьма,
Ожидал нас в Каире жестокий зной.
Миновали мы Альп ледяную стынью,
Провожала нас южных морей лазурь,
И терзала сердце нежить пустынь,
Притененная тучами пыльных бурь.
Над морями и реками школьных лет,
Что мерцали в серых складках земли,
Через ветхий завет и новый завет
Нас четыре мотора вперед несли.
День дошел до зенита, и день погас.
Звезды тлели, как вежи воздушных трасс.
Был Оман
За спиной у нас,
Был Иран
За спиной у нас,
Пакистан

За спиной у нас.
Тлели звезды, как веки воздушных трасс.
Покидая Карачи в вечерний час,
Мы с волнением вперед глядели.
Снизу Инд клинком проблеснул в тени,
А потом пошли полыхать огни
Долгожданного Дели.

Встречали нас друзья на плитах серых
При свете ламп, на лица наведенных,
А в уши мне мотив знакомый лез:
«Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полуденном,
Далекоей Индии чудес...»

Привет тебе, Индия —
Стран полуденных краса!
В сердцах наших дружба.
Открой нам свои чудеса.

НАД ГАНГОМ

У начала прозрачных зеленых вод
Этой царственной, плавной реки
Упираются в синий небесный свод
Гималайские ледники.

Оттого, что не может окинуть взгляд
Льдистых гор великанский лес,
Решено было тысячи лет назад,
Будто Ганг стекает с небес.

Решено было тысячи лет назад:
Если здесь умрут старики,
То возносятся души их в райский сад
С берегов священной реки.

И досель с незапамятных этих пор
В ожиданье божьих чудес

Старики из пустыни, из джунглей, с гор
Собираются в Бенарес.

Тут они доживают свой век, и тут,
Как нагрянет смерть к старику,
На кострах их останки над Гангом жгут,
Теплый пепел сыплют в реку.

Люди жаждут бессмертия... Что же, пусть!
Разве тут помогут слова?

Я давно это видел, друзья, а грусть
И поныне в сердце жива.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА В ВЕДИЙСКОЙ ШКОЛЕ ЧИТТОРГАРХА

Ко сну безмятежно отходит природа,
Чуть слышный фонтанчик журчит во дворе...
Оставив ботинки и туфли у входа,
Мы сели в кружок на мохнатом ковре.

Под сенью изъеденных временем башен,
В пространстве, наполненном звоном цикад,
На жертвенном камне хозяева наши
Свершают магический древний обряд.

Луна молодая сверкает в зените.
Взвиваются искры за пламенем вслед.
Подростки и дети на чистом санскрите
Согласно поют заклинания Вед.

Чтоб жертва творилась, чтоб пламя не гасло,
Старик, отрешенный от жизни давно,
На хворост кропит благовонное масло,
Бросает в огонь золотое зерно.

А тени людей — то длинней, то короче —
Скользят по помосту и пляшут на нем...
Так дальние предки от ужаса ночи
Себя ограждали бессонным огнем.

Пугали их пастей тигриных оскалы,
Скольжение пантеры, возня медвежат.
Слыхали они, как дерутся шакалы,
Как в сырости чащ обезьяны визжат.

В утробе пещеры, зловонной и дымной,
Тупыми секирами хворост рубя,
Старались они заклинаньем и гимном
Клыкастую смерть отогнать от себя.

На жертвенник низкий из камня и дерна,
Где пламя сникает и теплится вновь,
Жрец сыпал сухие холодные зерна
И брызгал собачью горячую кровь.

А месяц сверкал, как сегодня, в зените,
И искры взлетали за пламенем вслед...

Видения тают. На древнем санскрите
Устало звучат песнопения Вед.

Поющий подросток, тоскуя глазами,
Следит за движением звезд в высоте.
Медлительно, нехотя сытое пламя
Танцует на жертвенной черной плите.

.....

Живуч прародитель Адам в человеке —
Проснется и глянет сквозь лезвия век.
Вот вы существуете в атомном веке
И вдруг оступаетесь в каменный век.

СТАРИК

За днем уходящим в погоне
Видением парус возник.
Над самой водой, на балконе,
Сидит крючконосый старик.

№ - 2 18 5 9 1 - 1

В дневной суматохе Бомбея
Настойчиво смотрит седой
Туда, где, вдали голубея,
Сливается небо с водой.

Не горы ли древнего Фарса
И знойные смерчи песка
Тревожат угрюмого парса¹—
Известного ростовщика?

А может быть, там, за балконом,
Вдали, в городской кутерьме,
Он видит свой банк на зеленом,
Крутом Малабарском холме.

Счет прибылей новых, быть может,
Как марш, отбивает рука.
А может быть, совесть тревожит
Коснеющий ум старика?

Пусть громко ты жил или глухо,
Знал роскошь, скитался босой,
Придет работяга-старуха
И нить перережет косой.

Остынет несъеденный ужин,
Вся челядь рассеется вмиг,
И мертвому будет не нужен
Эльбрус² из банковских книг.

Останутся пышные зданья,
Весшумный ковровый уют,
И коршуны в Башне Молчанья
Останки твои расклюют.

Умрешь ты во вторник, а в среду
Начнут твои сейфы терзать.
И внуки-наследники деду
Забудут «спасибо» сказать...

¹ Парсы — потомки огнепоклонников, выходцев из Персии. По законам своей религии, они выносят трупы умерших на расклев хищным птицам.

² Эльбрус — гора в Иране.

Рычаньем сирены натужным
Корабль распугал голубей.
Огней ожерельем жемчужным
Украсился на ночь Бомбей.

На желтом и розовом фоне
За молами вечер поник.
Как черная тень, на балконе
Исчез, стушевался старик.

ХАЙДЕРАБАД-ХАУЗ

На зелень парков в городе ночном
Накрап росы прохлада расплескала.
Цветет жасмин, и слышен за окном
Ребячий плач голодного шакала.
Друзья ушли на отдых в поздний час,
И в доме стало тихо, стало пусто.
Лишь, от змеи оберегая нас,
Скользят вдоль стен пушистые мангусты.
Нам завтра снова отправляться в путь,
Туда, где степь лежит у гор подножьем.
Постель раскрыта, время отдохнуть
Перед большим и трудным подорожьем.
Но сон от изголовья убежал.
Занозой в сердце саднеет досада.
Когда-то этот дом принадлежал
Владетельной семье Хайдерабада.
Просторно жил сиятельный низам.
Но повсеместно в Индии известно,
Что в вотчине низамовой низам
Спокон веков живетсЯ очень тесно,
Что и доселе от монарших благ
Кровоточят обид народных раны,
Что вспыхивал, как пламя, красный флаг
В голодный год в деревнях Теленганы.
Пусть были коротки часы побед,
Но в Теленгане память не свежа ли
О том, как за помещиками вслед
Под сень штыков ростовщики бежали?

Из тьмы расселин вечно бить ключам,
И перестуки сердца неустанны.
Бессонный призрак бродит по ночам
По тихим деревушкам Теленганы.
Его одежды ветхие в пыли,
Но воля негибаема, упряма.

.
Вот на какие мысли навели
Меня хоромы старого низама.

ИСТОРИЯ

До черты горизонта равнинный простор.
Кровь заката, как отблеск пожара.
За зелеными кручами мертвый Читтор —
Страж поверженной славы Мевара¹.

Груды камня, зубчатые стены и рвы.
И баньян² возле Башни Победы
Неподвижный стоит, не клоня головы,
Будто с веком заводит беседы.

Вечер слушает плавный рассказ тишины
Про коварство врагов, про погони
И про то, как трубят боевые слоны,
Как визжат и кусаются кони.

Тлен развалин, как эхо смертей и утрат,—
Раджпутаны далекая драма.
Чуть-чуть тронуты ветром, тихо звенят
Колокольчики джайнского храма.

Пыль скользит по руинам, свивается в жгут,
Никнет в зелени ближнего лга.
У подножия Шивы старый раджпут
Смотрит в очи безносого бога,

¹ Мевар (Удайпур) — княжество в северо-западной части Индии.

² Баньян — дерево.

Как назначен на очную ставку судьбой,
Он глядит немигающим взглядом.
Слушай, старый! Сыны твои рядом с тобой.
Молодая Индия рядом!

ДРУЖБА

Сюрпризы начались с утра.
Ну, посуды сама:
Под сорок градусов жара.
А говорят, зима!

Еще сюрприз: в полдневный час,
По разным стрит и род
Мы мчимся в гости в порт Мадрас
На... польский пароход.

Из мира снежных вьюг и льда,
Опрятен, бел, высок,
Он рельсы притащил сюда
И сахарный песок.

Нас встретили, как земляков
Встречают земляки.
Рукопожатья моряков
По-дружески крепки.

Приводят нас в уют кают,
За хлебосольный стол.
За мир и братство чарку пьют,
Поют про гданьский мол.

Поют про Вислу, про подруг,
Про глаз их синеву.
И песня улетает вдруг
На Волгу, на Неву.

С родимых волжских берегов
Плеск Вислы слышу я.

*В такт песне
"Моряки"
8-9*

Чуть слышно вторят нам без слов
Индийские друзья.

И подпевает нам Мадрас
Сиреной и гудком.
И каждый каждому из нас
Как бы давно знаком.

Как будто ты ходил во мгле
И друга вдруг узнал.
...Вот что такое на земле
Интернационал.

В ЗАВТРАШНЕЙ ИНДИИ

Еще вчера в пустыне Раджастана
Блуждали мы среди развалин древних,
Дивились совершенству Тадж-Махала,
Причудам императора Акбара,
Что выстроил и умертвил столицу,
И навещали ветхих махараджи
В огромных экзотических дворцах.

Еще вчера мы видели в Джейпуре,
Как заклинатель заставляет кобру
Покачиваться в такт хрипенью дудки,
Показывает бой змеи с мангустой,
А рядом с ним безрукий, жалкий нищий
Выпрашивает анна¹ у сахиба,
И рикша тщетно ищет седока.

Еще вчера могло нам показаться,
Что все, о чем мы много раз читали,
Царит здесь безраздельно, безвозбранно:
Блеск роскоши безнравственной, жестокой,
Не знающей к страданью состраданья,
И тут же тьма, отсталость, суеверья,
Босая и нагая нищета.

¹ Анна — мелкая индийская монета.

Еще вчера... Потом и днем и ночью
Нас мчал в Пенджаб почтовый душный поезд
Полями, где красуются павлины,
Лесами, где мелькают обезьяны,
На берег укрощенного Сатледжа,
До станции, построенной недавно
И названной в честь стройки — Нангал-Дам.

На этом чистом маленьком вокзале
Встречали нас прорабы, инженеры.
И, не мелькай в толпе тюрбаны сикхов
Да лица всех оттенков темной бронзы,
Хозяев наших мы принять могли бы
За земляков с известных гидростроек
На Волге, на Днепре, на Ангаре.

Сквозь тучи пыли шумной кавалькадой
Несемся мы по берегу Сатледжа,
Минуя справа гаражи и склады,
Минуя слева новую плотину,
Вонзаемся в широкое ущелье,
И завтрашняя Индия пред нами
В рабочем громе стройки предстает.

Внизу, в гигантской чаше котлована,
Снуют левиафаны-самосвалы,
Ковш экскаватора выносит глыбы камня,
Бетонщикам площадку расчищая.
На серых склонах гор грохочут взрывы,
И, согнанная с русла человеком,
Ревет в туннеле гневная река.

Как зачарованные, мы стоим на бровке
Крутой дороги, вырубленной в скалах,
Прислушиваясь к рокоту моторов,
К свисткам тревоги, к перекатам взрывов,
Любуясь необъятной панорамой
Далекой горной цепи Гималаев,
Слепящим блеском вечных ледников.

Как полководец с командирской вышки,
Весь фронт работ окидывая взглядом,
За грань работы мыслью забегая,

В историю проекта Нангал-Бхакра¹,
В размах дерзаний и в людские судьбы,
Влюбленный в эту землю, в эту стройку,
Нас вводит Кунхар, главный инженер.

Мы слушаем его. И перед нами
Меж серых скал хребта Наина-Деви,
Как в сказке, возвышается плотина.
Перед плотиной возникает море.
Оно вращает лопасти турбины,
Несет в поля по ниточкам-каналам
Энергию живительной воды.

Вода журчит. И, желтые от зноя,
Впивая влагу, оживают травы
В пустынях Раджастана и Пенджаба
Влаголюбивый созревает хлопок,
Цветет горчица, рдеет красный перец.
И к проводам электропередачи
Метелки тянет сахарный тростник.

Все это скоро сбудется. Недаром
В Пенджаб спешили люди отовсюду:
С плато Декана, из долин Кашмира,
Из Амритсара и из Удайпура —
Индусы, сикхи, джайны, мусульмане.
Их всех сюда, в предгорья Гималаев,
Мать Индия на стройку позвала.

Вот завтрашняя Индия! Смотрите
На лица смуглых сикхов-трактористов,
На лица экскаваторщиков ловких.
Как быстро привыкают эти люди
К бетону, к перфоратору, к машине!
Как смело все они идут навстречу
Любым загадкам нового труда!

инду!
Не так ли было и у нас в тридцатом!
Припомнив котлованы Днепростроя,
Эпоху Комсомольска и Магнитки,

¹ Нангал-Бхакра — строительство крупнейшей в Индии гидроэлектростанции и ирригационной плотины.

Мы молодость свою припоминаем,
Волнуемся и пожимаем руки
Неутомимым труженикам-кули,
Бульдозеристам и подрывникам.

Пусть им идти извилистой дорогой
К свободной, сытой и разумной жизни.
Они в пути. Лиха беда — начало!
В труде, на стройке, закалится воля,
В труде, на стройке, расцветут таланты,
Откроются иные горизонты
И по-иному песни зазвучат.

Вот завтрашняя Индия.
Смотрите!

Наши дни!

СТРОИТСЯ ГОРОД

1 На нашу таджикскую землю похожий,
С рычаньем овчарок и щелканьем жаб,
Раскинулся вдоль гималайских подножий
Край рек и пустынь — легендарный Пенджаб.

Пыля по дорогам копытами конниц,
Купая в кипенье стремнин стремсна,
До этих долин молодой македонеп
Дошел в приснопамятные времена.

Лавинами полчищ сметая престолы
И пламени все предавая вокруг,
Кушаны и гунны, афганцы, монголы
По этим долинам стекали на юг.

И здесь, в Амритсаре, британец лукавый
Предательски пролил индийскую кровь.
Но час наступил — и свободной державой
Воскресла великая Индия вновь.

Всем будущим радостям жизни навстречу
Индусы и сикхи сегодня идут.

Куда ни взгляни — по всему Пятиречью —
Готов к чудесам человеческий труд.

Где в белых тюрбанах стоят Гималаи,
В безлесной степи, у подошвы горы,
В горячую землю тяжелые сваи
И ночью и днем забивают копры.

Пусть капельки пота стекают за ворот,
Пусть зной докрасна раскаляет песок, —
Кирпич к кирпичу — поднимается город,
Как дерзкие мысли пенджабца, выск.

Растет над лесами кирпичная кладка.
Фонтанят веселые струйки воды.
Над черным асфальтом, укатанным гладко,
Из рыжей земли прорастают сады.

Рыча, экскаватор вгрызается в землю.
Грохочущим взрывом скала сметена..

| Кто выдумал сказку, что Азия дремлет?
Подать сюда этого болтуна!

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Океана Индийского тусклый лак
Проступал из ночной синевы.
И звезды на небе стояли не так,
Как на небе моей Москвы.
Под шуршанье прибоя
В полуночный час
Ко сну отходил Мадрас.

Легкий ветер, будто бы невзначай,
Над лагуной возник из мглы;
Осторожно оцупал листья папай
И кокосовых пальм стволы,
Над застойной водой

Колыхнул тростник,
Обессиленный зноем, сник.

А луна поднималась, бела как мел,
Отражаясь в темной волне.
И сосед мой негромкую песню пел,
Откликаясь тихой струне.
Он сердца северян
Напевом томил
На южном наречье тамил.

Я спросил у соседа:
— Кажется мне,
Это песня о тишине,
О зеленой весне,
О синей волне,
О белой луне,
Что с любовью в дружбе всегда?
И тамил мне ответил:
— Да!

ОТКРЫТКА

К облачкам золотым
Даль стекает наплывом.
Пять часов мы летим
Над Бенгальским заливом.
И на небе
И на море
Синь глубока.
И по небу
Плывут облака.
И по морю
Плывут облака.
Все смешалось
В звенящем просторе.
Сверху —
Синяя глубь,
Снизу —
Синяя высь.
Вот пойд^и пригляд^ись,
Вот пойд^и разбер^ись:

Значит!

Взрослые, мы в Азии, как дети,
Потому что каждый миг и час
Мудростью пяти тысячелетий
Здесь глядит история на нас.

Сын другого племени и рода,
Здесь я всем, по Ленину, родня.
И потомки древнего народа
Одарили дружбою меня.

И считаю я великой честью,
Что опознан их семьей как брат,
Что возвышен я над вашей спесью
Горделивым словом — а з и а т.

ШОТЛАНДСКИЕ МОТИВЫ

ДОМ В АЛЛОУЭ

Тонут в тонком кружеве ветвей
Розовые отблески рассвета.
Тихое местечко Аллоуэй,
Родина веселого поэта.

С окнами во двор крестьянский дом
Остальных не ниже и не выше.
В лишае зеленом и седом
Вся солома на покато́й крыше.

Этот дом мне показался сном,
В дальнем детстве виденным когда-то.
Здесь в пыли возился под окном
Будущий батрак и арендатор.

Памятью совсем далеких лет
Старые дубы стоят поныне.
Здесь когда-то будущий поэт
Пролетал верхом на хворостине.

И отсюда, утерев слезу,
Горя и нужды хватив с излишком,
Старый Бернс-папаша на возу
К новой жизни увозил мальчишку.

От окраины этого села,
От калитки этой, от порога
В мир большой и страшный увела
Песню эта пыльная дорога.

Песня-жизнь вилась, как дикий хмель,
В темном прошлом потеряв начала,
А потом за тридевять земель,
Возрождаясь, много лет звучала.

Вешний ветер, вострепел, повея
Песенным дыханьем в час рассвета.
Слава тебе, тихий Аллоуэй,
Родина веселого поэта!

ТРАКТИР ПРИ ДОРОГЕ

Не вдали от Аллоуэя
(Эль, романтика, сверчок!)
Мы вошли, благоговей,
В старый-старый кабачок.

Как везде в подлунном мире
С давних пор заведено,
В историческом трактире
Пили пиво и вино.

От соблазна нам удрать бы!
Но, радушны и милы,
Сразу две крестьянских свадьбы
Нас позвали за столы.

Мы, конечно, не спесивы,
Меж гостей уселись в ряд,
С головой ушли в красивый
Сельский свадебный обряд.

Оглушали нас волынки,
В буйных плясках пол гудел,
И на улей наш с картинки,
Хитро щурясь, Бернс глядел.

Был он рад, что в месте злачном
Новожены-женихи
Жарко шепчут новобрачным
Звонкие его стихи.

Был он рад, что московиты
Заявились в Аллоуэй,
Что из двери, в ночь открытой,
Сыплет трели соловей;

Что внизу, сливаясь с далью,—
Не мелка, не глубока,—
Отливает синей сталью
Дун — красивая река;

Что заречный луг не кошен
И туда, где тишина,
Как и прежде, переброшен
Мост, горбатый, как луна,

Что по ним летит с колдуньей
Тэм О'Шентер-кавалер.
.

Светят звезды в новолунье
Над шотландским графством Эр.

Светят звезды. Светят окна.
Светят в море маяки.
Млечного пути волокна
Серебристы и тонки.

Метеор летит и тает
В глубине небесных сфер.
Ветер лирики витает
Над шотландским графством Эр.

ШАХТЕРСКИЙ ПРАЗДНИК

Шотландской лазури прозрачный осколок
От синего свода небес отдели —
Появится Камнок — шахтерский поселок
На юге старинной и славной земли.

Под Камноком уголь хозяйка-природа
На тысячи лет заготовила впрок.
С Атлантики стелется запах йода.
Цветут по холмам рододендрон и дрок.

Июньские теплые дни, повесенье,
Все в красном, и синем, и желтом холмы
С больших королевских торжеств в воскресенье
На праздник шахтеров нагрянули мы.

Отличное утро. Ни облачка в небе.
С травы червяков собирают скворцы.
Несут карапузов на выставку беби.
Сквозь брызги в бассейне ныряют пловцы.

Но это не главное, так, между делом...
Толпа нас уносит в иные места,
Где в парке, от цвета жасминного белом,
Сегодня воздвигла свой трон красота.

На этом высоком, торжественном троне,
Поблизости стада баранов и коз,
Красуется в легкой картонной короне
Шахтерская дочка Мойра Пенроз.

Пажы возле трона и справа и слева.
Придворная свита шумна и пестра.
За кудри, за гибкий свой стан королева
Сердцами парней управляет с утра.

Задорные песни. Веселые споры.
Вокруг королевы ведут хоровод
Шахтеры, шахтеры, шахтеры, шахтеры —
Прорвавшийся к солнцу подземный народ.

Девчонки, стройнее и легче тростинок,
Летят в хороводе, гибки и ловки.
Под резкие выкрики хриплых волюнок
Старинные песни поют горняки.

За тактами такт — каблуков перестуки.
Скульптура голеней и икр напоказ.
Широкие плечи, и сильные руки,
И ответы неба в свечении глаз.

Пажы расступаются справа и слева.
Вот к трону подходит, высок и плечист.
Вот за руку нежно берет королеву,
По праву любимого, врубмашинист.

Волынки ревут иступленно и яро,
И в церкви ударили колокола.
По влажной траве королевская пара,
Как лебедь с лебедушкой, поплыла.

А мы любовались. И, надо признаться,
Грустили, немножко себя пожалев,
Что мы не шахтеры, что нам не по двадцать,
Что молодость мимо ведет королев.

Однако не наши звучат голоса ли
С Поволжья, где шли мы вдвоем в ледоход?..
И мы с королевой свое отплясали,
Как этот веселый шахтерский народ.

НОЧНАЯ ПИРУШКА В КАРАДАЙЛЕ

Трубным звукам весеннего первого грома
Эхо в дальних горах прокричало ответ.
Из-под сводов фамильного старого дома
Бьет в ненастную ночь электрический свет.

На морском берегу, в полумиле отсюда,
Хлещет пеной по черным утесам волна.
В штормовом океане рыбацья посуда
Произволу кипящих валов отдана.

А в дому, у каминов, пылающих ярко,
Собрались лесники, батраки, рыбаки.
Самогонное виски, московская старка
Горячат и развязывают языки.

Говорит мне потомок знатнейшего клана,
Мой сосед, карадайльский рыбак Маккинтош:
— Это поздно случиться должно или рано:
Если друга ты ждешь,— значит, друга найдешь.

Мы о русских, признаюсь, наслышаны мало,
Но страна твоя дерзкая нравится мне...
Он встает и рукою, привычной к штурвалу,
Принимается хлопать меня по спине.

Я встаю, по спине его хлопаю тоже.
И смущенье ушло, и неловкости нет.
И язык не помеха теперь, и похоже,
Что дружили мы с дальних, мальчишеских лет.

Искра дружбы блеснула застенчивой лаской
Из бездонных глубин человеческих глаз.
Гельской песней, и огненным виски, и пляской
Эта дружба сегодня приветила нас.

Вязью слов незнакомых и ритмами танца,
Как гирляндами, наш разговор перевит.
И по-братски широкие плечи шотландца
Обнимает, чуть-чуть захмелев, московит.

Влажный воздух июня вдыхая глубоко,
Распахнул я тяжелую дверь на крыльцо.
Свежий ост из далекой России, с востока,
Материнским дыханьем овеял лицо.

РЫБАЧЬЯ ПЕСНЯ

Что ты бродишь ночью по песку?
Не развеет ночь твою тоску.
Мерный атлантический прибой
Хлопья пены стелет за тобой.
Из поселка слышен вой собак.
Где же синеглазый твой рыбак?
Ночь уйдет, но не забудешь ты,
Как вы шли к причалам сквозь кусты,
Как он был любовью окрылен,
Как тебя за плечи обнял он,
Как ты стала счастлива, смела
И на память шарф ему дала.

Шторм внезапный вырос, как стена.
Гроном раскололась тишина.
В дождевой сумятице седой
Молнии летали над водой.
Ты в толпе рыбачек, на песке,
Невозвратного ждала в тоске.

Толща волн темна и глубока.
Не вернуло море рыбака.
Только друг его у черных скал
Синий шарф на гальке отыскал.
Тонкий шарф, прозрачный, как вода,—
Жизнь твоя, любовь твоя, беда...

ШАПКА ПО КРУГУ!

Много традиций в Британии есть,
Но не забыть до последнего часа
Ту, что вместила и славу, и честь,
И благородство рабочего класса.
Если к соседу внезапно беда
Гостьей незваной нагрянет в лачугу,
В цехе и шахте пускают тогда
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.

В черных, безрадостных буднях труда
Этой традиции славной начало.
Чувство рабочего локтя всегда
Жить помогало, в беде выручало.
Ежели стачкой берет в оборот
Труженик-раб фабриканта-хапугу,
В знак солидарности пустит народ
Шапку по кругу,
Шапку по кругу.

В Лондоне в сорок девятом году
В сумраке к Темзе сползающей ночи
Случай занес нас в родную среду
Верных защитников мира — рабочих.
Митинг шумел. Переполненный зал
Хлопал ораторам дружно, упруго.
Здесь я услышал, как спикер сказал:
— Шапку по кругу,
Шапку по кругу!

Старый рабочий по краю стола
Стукнул ладонью увесисто, крепко:

← Шиллинг за мир!

По рядам поплыла
Виды видавшая серая кепка.
Скотланд, Уэллс, Йоркшир, Ланкашир
Передавали ту кепку друг другу.
Шиллинг за мир! Шиллинг за мир!
Шапку по кругу,
Шапку по кругу!

Вот ветеран в отдаленном ряду
На ухо грузчику шепчет в смущенье:
— Все, что осталось в кармане, кладу —
Стертое пенни, последнее пенни.—
Кости не греет дырявый мундир.
Поясом брюхо подтянуто туго...
Пенни за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу,
Шапку по кругу!

Ну-ка дождем золотым заглуши
Звон медяков, поджигатель-иуда!
Долларов смерти сильнее гроши —
Скромная лепта рабочего люда.
Черный Уэллс, хлопкопряд Ланкашир,
Передавайте кепку друг другу!
Шиллинг за мир! Пенни за мир!
Шапку по кругу,
Шапку по кругу!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пути дружбы	3
-----------------------	---

Китайская тетрадь

Дорога в Китай	4
Ворота Дракона	5
На юге	6
Китайский пейзаж	7
Матросский танец	7
Метелица	8
Голос Москвы	9
День рождения	10
Прощание с Пекином	12

Индийская тетрадь

В страну чудес	14
Над Гангом	15
Вечерняя молитва в ведийской школе Читторгарха	16
Старик	17
Хайдерабад-хауз	19
История	20
Дружба	21
В завтрашней Индии	22
Строится город	25
Ночная песня	26
Открытка	27
Мыс Коморин	28
Ответ	29

Шотландские мотивы

Дом в Аллоуэз	31
Трактир при дороге	32
Шахтерский праздник	33
Ночная пирушка в Карадайле	35
Рыбачья песня	36
Шапка по кругу!	37

Алексей Александрович Сурков
НА БЕЛОМ СВЕТЕ

Редактор — Н. СЕКУНДОВ.

А 10027. Подписано к печати 6/XI 1957 г. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1316.

Заказ № 1969. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,62 бум. л.—1,71 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.